

А.А. ВОЗНИН

ТЕНЬ

Андрей Андреевич Вознин

Тень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69368815

SelfPub; 2023

Аннотация

Белые стены города окрасились в кроваво-бурые цвета. И кто тому виной? Художник со своими картинами-пасквилями или что-то иное?

Андрей Вознин

Тень

Гор шёл по узким тёмным улицам, не спуская правой руки с ножа под плащом. В последние времена в ночных лабиринтах Города нарваться на встречу с лихими людьми можно было запросто...

– Задача перед нами всё та же – поиски Художника. – Капитан вышагивал между рядами бойцов, мрачно готовящихся к очередному ночному рейду...

А ночь в Городе, та ещё игра в орлянку – повезёт-не повезёт. Многим уже не повезло...

Город замер в ожидании неизбежных перемен. Когда-то жители нарекли его – Белый, за ослепительную красоту крепостных стен, охватывающих королевский дворец по периметру. В те далёкие времена увенчанные зубцами дозорные башни шутя кроили медленно ползущие по небосклону рыхлые тучи. И непогода обычно старалась держаться в стороне от Белого Города. Под сенью чистых небес жилось привольно и счастливо, даже обычного людского горя здесь никто не знал... Во всяком случае, так рассказывали придворные историки Его Величества.

Гор оглянулся, ища глазами ближайшего бойца. Но того и след простыл. Теперь что хочешь, то и думай – возможно улизнул к подруге, а может уже и в живых-то нет. И ни следа... Гор двинулся далее.

Шум из открытого окна привлёк внимание. Осторожно подошёл к дому, заглянул в комнату. Весь измятый годами прожитого и выпитого невзрачный мужичонка орал на свою жену.

– С... ! Что за гадость ты сварила? Я на работе вкалываю, а дома что получаю? Где мясо?

– Так ты ж сам денег не оставил... – пыталась оправдаться забитого вида женщина.

– Меньше тратить надо на свои безделушки. Куда тебе вторая пара туфель?

– Так одна на зиму, другая на лето...

– Одной вполне хватит. Продай зимние – сейчас лето, и чтоб завтра сварила суп с мясом. Проклятый Художник – бабы в последнее время совсем обленились!

Потеряв интерес к семейному скандалу, Гор не торопясь двинул дальше...

– Действуем группами, визуальный контакт между бойцами не теряем. Сами же знаете, только зазевайся, как тут же всадят нож в спину... Всякие «доброжелатели», – капитан по-отечески наставлял своих бойцов перед опасным рейдом. А те слушали в пол-уха ставшие уже давно привычными советы.

Гор даже не мог припомнить те времена, когда ночные дежурства были сродни развлечению.

Тень, незаметно павшая на город, поначалу никак себя не проявляла... Ну, разве что горожане чаще стали ругаться, меньше помогать ближним и дальним. Больше внимания уделять своей персоне. Когда-то вполне естественные походы по гостям стали сродни навязчивому надоеданию. Принцип – каждый сам за себя – становился незыблемым правилом поведения каждого добропорядочного бюргера.

Из ближайшей подворотни послышались приглушённые крики и ругань. Гор метнулся в тёмный проулок. Заблаговременно выхватил нож. Сразу за углом три пьяных битюга со вкусом пинали лежащего мужичка. Тот уже не подавал признаков жизни, безвольной куклой вздрагивая от ударов. Один из нападавших подобрал когда-то вывалившийся из стены каменный блок и примерился размозжить лежащему голову.

– Стоять! Гвардия! – предупреждающе крикнул Гор.

Подобравший камень замер, держа его высоко над головой. Гор медленно приблизился, выставив перед собою нож. Носить холодное оружие разрешалось только гвардейцам короля. При обнаружении такового у простого горожанина наступала неизбежная расправа: в случае сопротивления – удар милосердия в сердце; если добровольная сдача и суд, то каторга либо виселица в зависимости от длины лезвия и подвешенности языка у адвоката.

Заметив, что гвардеец, прервавший расправу, один-оди-

нешенек, троица нехорошо ухмыльнулась. А один из битюгов вытащил из-под полы длинного плаща огромный мясницкий тесак, легко тянущий на виселицу для хозяина.

Расклад для Гора получался отнюдь не айсовый – три здоровых бугая: один с поднятым над головой камнем, один с ножом в руках и третий, сам по себе огромный великан с кулаками, что голова ребенка. Но трусливо покидать проулок было ниже достоинства гвардейца, и Гор начал смещаться в сторону, уходя с линии опасного броска камнем. И когда мужик с ножом удачно закрыл обзор камнедержателю, гвардеец молниеносно ударил потенциального висельника ножом в сердце. Толкнув что есть сил оседающего на вооруженного камнем, сам подскочил к битюгу с огромными кулаками. Ловко ушёл от размашистого удара и коротким тычком проткнул сердце. Теперь расклад получался более равноценный – один на один.

– Э-э, гвардеец, я сдаюсь. – Оставшийся в одиночестве мужик бросил камень себе под ноги и поднял руки.

Гор приблизился вплотную к противнику, быстро оценил помятость испитого лица. Никакой ценности для общества данный субъект не представлял. Не долго думая, коротким ударом ножа отправил сдавшегося вслед за его корешами прямиком на тот свет...

– Как всем хорошо известно – Художник рисует наш родной Город только в чёрных красках. И с каждой новой карти-

ной, мы всё глубже погружаемся в выдуманный Художником мрак предопределённости... – капитан всё никак не унимался, и бойцы начинали уже прямо в строю позёвывать.

Первую картину обнаружили на дворцовой площади как-то поутру. Неизвестный художник изобразил дождь над Городом, белые стены с подтёками, дозорные башни, скрывшиеся в низких тучах. Мнение горожан разделилось – кому-то понравилась мрачная красота картины, кто-то лишь посмеялся над безумным воображением живописца...

Гор наклонился над распластанным телом избитого. Мужчина преклонных лет оказался незнаком. Гвардеец прикоснулся к сонной артерии – сердце не билось. Медицинская помощь в проулке никому не требовалась. Гор быстро проверил карманы лежавших и, став богаче на несколько монет серебра, пошёл дальше, патрулировать пустынные улицы...

Картины появлялись на площади с завидной регулярностью. А сюжеты становились мрачнее и мрачнее: то белоснежные стены Города покрывались кровавой ржавчиной в лучах заходящего солнца, то королевская гвардия избивала горожан на виду скучающего на балконе с пироженным в руке Его Величества...

Пасквили гвардейцы изымали, оберегая чувства жителей от этих ужасов. Но постоянное патрулирование дворцовой

площади не принесло результата – картины просто начали появляться в иных местах. Хитрый художник словно чувствовал засады, ловко избегая патрулей. А в до того счастливую жизнь Города незаметно проникали отвратительные сюжеты...

Заброшенные дома темнели провалами выбитых окон. Гор заглянул в ближайший. Здесь обычно кантовались попрошайки. И он не ошибся – тихий говорок легко различался в ночной тишине. Когда гвардеец неожиданно предстал перед обитателями, те готовились ужинать – прямо на полу была постелена грязная тряпица, на которой лежали две порезанные буханки хлеба и пяток варёных картофелин. Всё это «богатство» окружали четверо пожилых взрослых и трое маленьких ребятишек...

Все силы королевской гвардии бросили на поиски таинственного Художника. А Его Величество ввёл временный запрет на изобразительное искусство – каждый живописец обязан был зарегистрироваться в королевской Канцелярии и временно прекратить свою деятельность. В качестве альтернативы привычному творчеству их отправили подметать улицы.

А пока гвардейцы рыскали по художественным салонам, проверяли печати на мастерских известных художников, уничтожали склады с красками, Город постепенно по-

глощался болотом расцветающей преступности. Даже днём
пройтись по улицам стало небезопасно, что уж говорить о
тёмных ночных проулках...

– Гвардеец! – в ужасе воскликнул самый маленький бро-

дяджа.

Все соскочили и замерли, напряжённо следя за медленными движениями Гора. Тот не торопясь подошёл к напуганным бродягам. Из взрослых – две женщины и два мужчины. Мужички лет за шестьдесят, но возможно их внешне старила тяжёлая судьба, не представляли ни малейшей угрозы. Не проронив ни слова, гвардеец обшарил карманы и потрепанные котомки. В одной нашлась пригоршня монет. Забрал две серебряные монетки, медяки великодушно оставил попрошайкам.

– Господин гвардеец, у нас же дети... – начала причитать пожилая женщина.

Её косящий налево и покрытый бельмом глаз вызывал отвращение.

– У меня тоже дети, – легко соврал Гор.

– Куда катится этот город... – риторически заметил сутулый мужичок.

– Скажите спасибо Художнику, – ухмыльнулся гвардеец. – Ещё раз застану в этом доме, сдам в королевский приют для бездомных.

Услышав страшные слова, дети заревели, и взрослые бросились их успокаивать. А Гор под этот галдеж, довольный негладным заработком, покинул дом...

Вдоль улицы осторожно крался неясный силуэт. Расстояние было приличное, и разобрать, кто там такой смелый хо-

дит в комендантский час по Городу, не получалось. Но это точно не мог быть гвардеец. Тот бы шагал гордо, не прячась во мраке словно преступник. Гор, стараясь передвигаться от тени к тени, скрытно направился за незнакомцем...

Чем более жуткими становились картины, тем страшнее жилось в когда-то светлом Городе. Убийства и разбои воспринимались всё более буднично, уже не вызывая былого ужаса. Занятые поисками Художника гвардейцы потихоньку осатаневали от бесполезной работы. А когда Его Величеству надоело ждать результата от тайной полиции, он приказал казнить всех художников оптом. Чтобы уж наверняка. Но не помогло. Картины продолжали являться с завидной регулярностью, безжалостно перекраивая реальность...

Путь неизвестного лежал в сторону дворцовой площади. И это настораживало. Что там можно делать ночью во время комендантского часа? Гору помаленьку удалось сократить дистанцию до нарушителя, и уже стало видно, что мужчина несёт подмышкой завернутый в материю большой квадратный лист.

– Стоять! – радостно заорал Гор, когда понял, что это он и есть – Художник.

Мужчина уронил картину и, странно подпрыгивая, кинулся в темноту подворотни. Но куда ему было тягаться с физической формой гвардейца. Гор вмиг настиг преступника и

повалил на землю. Тот даже не сопротивлялся – лежал молча и только тяжело хватал ртом воздух вперемешку с дорожной пылью.

Гвардеец сел прямо на поверженного врага, стараясь отдышаться. Когда более-менее успокоился, рывком поднял живописца и повёл к брошенной картине. Заставил мужчину поднять её, и уже с этим вещдоком двинулись в расположение части...

Подозреваемый сидел абсолютно голый на стуле со скрещенными за спиной руками. На лице растекалась пара синяков, на теле алели несколько ссадин, а изо рта сочилась тонкой струйкой кровь. И Гор сменил своих товарищей, изрядно подуставших от долгого допроса.

Когда вскрыли ношу неизвестного, окончательно стало ясно, что Гор поймал того самого, несколько лет державшего Город в страхе. На картине изображался королевский пир – огромные столы, заполненные яствами, бутылками с вином, экзотическими фруктами. Голые танцовщицы развлекали многочисленных гостей короля. А те, особо не глядя на красоток, активно поглощали угощение. И судя по изображению, этим они занимались уже довольно давно – фигуры сильно раздулись, отчего возлежавшие больше походили на хорошо надутые шары. Пасквиль, он и есть – пасквиль. Гору стало противно, даже не смотря на чудесно прорисованные

яства. Он, конечно, был не против полакомиться чудесами королевской кухни. Большинство горожан в последнее время питались абы как – общий упадок коснулся и рынка, где исчезли и последние продавцы вместе с товарами.

– Это не моя, – в сотый раз повторял задержанный, вздрагивая при каждом резком движении гвардейца.

– А чего бежал? – иронично спросил Гор.

– А вы бы не побежали? Ночью-то. Да ещё и с картиной.

– Вот, вот. Я про картину и говорю. Колись, где мастерская...

– Я повторяю. Это не я рисовал. Я вообще рисовать не умею.

– Откуда тогда картина?

– Нашёл на рыночной площади.

– Куда нёс?

– Домой. Я живу неподалёку от дворцовой площади.

– А зачем тебе картина?

– Да хотел повесить на кухне. Там есть практически нечего, так хоть посмотреть, что господа-люди едят.

Гор ради нарисованных деликатесов и сам был не прочь повесить эту картину у себя под носом на кухне.

– Следственная группа уже выехала к тебе домой, вот там и поглядим насколько ты невиновен.

Пока ожидали итогов обыска, Гор сидел напротив задержанного, карауля того. Хотя... Судя по неестественно вы-

вернутой правой ногое, бегать тайному живописцу не придёт-ся ещё очень долго...

– Зачем вы его ловите? – неожиданно спросил задержанный.

– Как это зачем? Ты разве не видишь, что творится вокруг? – искренне удивился гвардеец.

– Ну, так художник-то причем?

Мужик начинал вызывать раздражение своими глупыми вопросами.

– Ты разве не слушаешь глашатая? Тот же доходчиво всё разъясняет по субботам – Художник своими картинами пробудил тень Инферно, что накрыла город. Люди сходят с ума от его картин...

– Люди всегда сходили, сходят и будут сходить с ума. На то они и люди. Существа слабые и подверженные влияниям. На моей памяти, когда ещё не было вашего Художника, люди уже сходили с ума.

– Да врешь ты всё! – воскликнул Гор, возмущённый жутким поклёпом. – Когда не было Художника, даже Солнце светило ярче, трава зеленела и деревья были большими...

– Эх, молодой человек. Это вы просто были юным и не замечали ничего вокруг.

Задержанный вздохнул, дёрнул скованной рукой, словно хотел утереть капающую кровавую слюну. Понял, что ничего не выйдет.

– Художник, как зеркало, отражающее реальность. А то,

что она кривая... Так нече на зеркало пенять...

У Гора даже дыхание перехватило от такой наглой лжи. Он же хорошо помнил и изобилие пряников в магазинах, и добрых улыбчивых гвардейцев, которых к слову, и не было тогда. Гвардию создали буквально перед самым появлением Художника, и первое время они даже на глаза не попадались.

– Ты кого защищаешь? Не хочешь, чтобы стало как раньше?

– Как раньше, уже никогда не будет. И это хорошо. Тайная полиция, к слову, тогда работала гораздо эффективнее... Не дай вам бог попасть к ним в лапы. Вы по сравнению с ними – детишки в песочнице...

Задержанный снова дёрнулся, пытаясь поднять скованную руку.

Гор брёл по ночным улицам. Сегодня была не его смена, но заснуть в тепле и уюте родной комнатухи гвардеец так и не смог. Стоило только закрыть глаза, как на стуле перед ним представал голый «художник» со скованными за спиной руками. Ссадины на теле, стекающая изо рта кровавая слюна, неловко подогнутая нога, травмированная при жёстком допросе. Тот молча смотрел на Гора. Просто смотрел – без укора, без осуждения. И это молчание становилось невыносимо. Не сказать, что смерть человека, причина которой – Гор, была в последние годы чем-то из ряда вон... Сама профессия просто-напросто не способствовала проявлению

милосердия. Но до этого случая все смерти настигали лишь виновных. Либо гвардеец так думал. Если имелся, пускай минимальный, шанс, что убитый – преступник, для совести этого было вполне достаточно, и она спокойно дремала дальше.

Однако, в случае с «художником», его невиновность не вызывала и малейших сомнений. Оставался, конечно, призрачный шанс, что внутреннее чутье подвело Гора, но только до появления новых картин. Озвученная глашатаем версия о мерзких подражателях могла показаться правдивой только простоватым горожанам – все художники, способные криво-косо держать кисть, давно рисовали божественное сияние на том свете. И выставлялись они уж точно не на дворцовой площади...

Пришлось вытаскивать из забвения старые родственные связи, чтобы найти Художника...

Следственная группа вернулась ни с чем. Не было в квартире задержанного ни красок, ни мольбертов. Похоже, он и вправду рисовать не умел.

На экстренное совещание прибыли высокие чины из королевского Министерства. Они долго совещались в кабинете шефа. Потом вышел капитан, построил гвардейцев и вызвал Гора. Перед строем объявил:

– От имени Его Величества выражаю благодарность за поимку особо опасного преступника. Его ждёт заслуженная ка-

ра – решением королевской Комиссии приговорён к ликвидации в течение двух часов... Отныне, благодаря вашей самоотверженной работе, Город может спать спокойно.

А на следующий день после казни «Художника» на дворцовой площади стояла новая и ещё более мерзкая картина, изображавшая королевское правосудие. И через неделю...

Теперь по ночному городу Гора вело не чувство долга гвардейца, а тайное знание, куда направлять свои сапоги. Да ещё колдовской гребень в волосах периодически впивался всеми своими костяными зубцами в голову. Напоминая наездника на послушной лошади.

Путь к землянке, даже, скорее, обыкновенной норе, где жил волхв, занял полдня по дебрям глухого леса. И если бы не точные указания родственницы и неприятно шевелящийся в волосах колдовской гребень, ни единого шанса у Гора найти отшельника не было.

С превеликим трудом протискиваясь по узкому лазу, гвардеец гадал – как можно постоянно им пользоваться?

Внутри норы оказалось сравнительно светло. Правда, неясно было откуда поступает свет – ни окон в стенах, ни каких-то заметных отверстий в низком потолке.

Хозяин сидел на земляном полу прямо посередке совсем небольшого жилища... Древний старик, казалось, надёжно

сросся со своей лесной берлогой. Прикрытые глаза, не выражающее ни единой эмоции морщинистое лицо, сухое бездвижное тело. Фигура волхва казалась вырезанной из старого почерневшего куска мёртвого дерева. И только редкое шевеление пальцев левой руки, перебиравших чёрные бусинки четок, подсказывало, что это ещё живой человек. А о времени, что сидел неподвижно этот странный старик, свидетельствовали ветви растений, густо ветвящиеся вокруг ног. Даже, скорее, было похоже, что это он сам пустил корни, питаясь прямо от земли.

Обратиться к волхву посоветовала дальняя родственница Гора, по бытовавшим в семье верованиям – известная колдунья. Понятно, что такие родственные узы он никогда не афишировал и старался максимально от них дистанцироваться. Но сейчас ничего иного не оставалось – все возможности для поиска Художника были исчерпаны. Приходилось обращаться к силам иного порядка.

– Волхв пребывает уже вне нашего мира, – давала указания тётушка Эмма, – Здесь присутствует только его тело. Что надо сделать, чтобы он ответил на твой вопрос, я не знаю...

– Так, может, его притащить к нам в казармы да поговорить с ним плотно? – Гор никогда не испытывал сомнений в эффективности методов гвардии короля. Была бы только ниточка, а уж как вытянуть весь клубочек и всех, кто им повязан, королевские специалисты по допросам знали прекрасно.

– Попробуйте, – засмеялась старая колдунья, – Более бес-
толковой идеи в жизни не слыхала – притащить в Город
волхва! Легче ближайшую гору переместить к нам на улицы.
Да вы его, даже имея мои чёткие указания, найти не сможете.

– А чего сложного? Прочешем лес... – не унимался дея-
тельный гвардеец.

– Да? На, попробуй... – С этими словами тётушка Эмма
вытащила из волос костяной гребень и положила его на стол
перед Гором. – Найди мой гребешок.

Гвардеец сперва не понял в чём уловка – вот же он. Прот-
янул руку и... Гребень просто исчез! Прямо у него на гла-
зах. Завороженно он пошарил по столу, где только что лежал
гребень. Пусто! Непонимающе посмотрел на колдунью. Та
усмехнулась.

– В чём проблема? Вот же он. – С этими словами протя-
нула руку и вытащила прямо из пустоты свою вещь, воткну-
ла обратно в волосы.

Гору даже показалось, что гребень зашевелился всеми
своими костяными зубцами, собирая седые волосы в тугий
пучок.

– А я по сравнению с волхвом даже не ребенок... Младен-
ец.

За время, что Гор стоял в ожидании ответа перед стари-
ком, тот даже глаза не открыл, посмотреть на гостя. Видимо,
пребывая духом где-то совсем далеко. Казалось, Гор адресу-

ет свои вопросы пустоте...

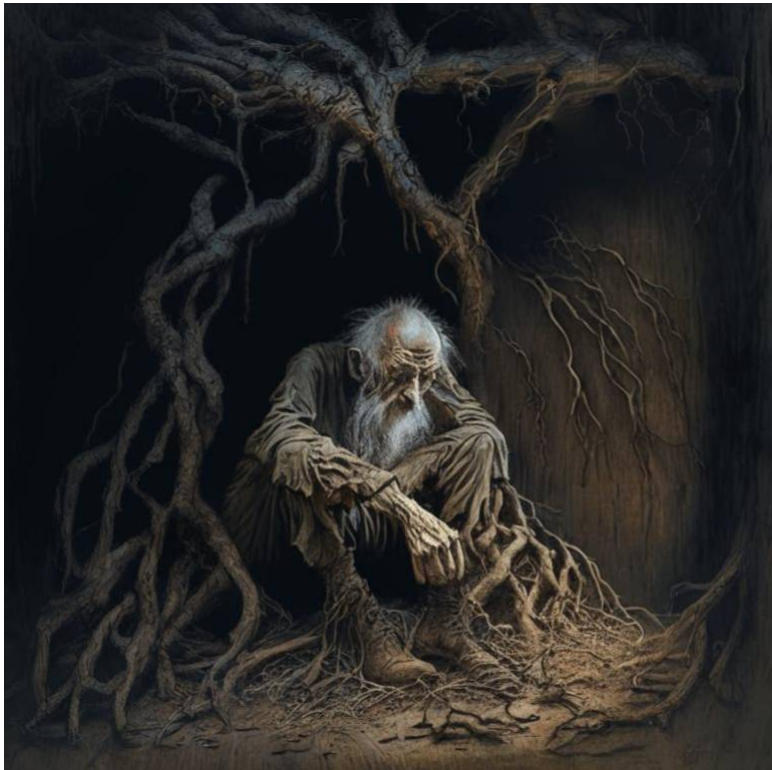
Деятельная натура гвардейца заставляла действовать, и он протянул руку, чтобы потрепать за сухое плечо...

Открыл глаза, лёжа на земляном полу. Всё вокруг медленно кружилось, а из последнего он помнил только свою протянутую к волхву руку. Сам хозяин берлоги сидел в своей прежней позе, и только четки тихонько постукивали в абсолютной тишине. Наверное здесь само время подчинялось этому неторопливому перестуку, сменявшему одну картину реальности за другой...

Всё указывало на то, что придётся покинуть нору волхва не солоно хлебавши. Но в Горе заговорила его природная упёртость – или всё, или ничего. И он сел напротив бездвижного изваяния, зло буравя того взглядом...

Чётки мерно стучали, отмеряя тающие в бесконечности минуты... Часы... Дни...

Порою Гор терял ощущение себя самого – берлога исчезала, и он парил подобно соколу в голубых небесах, ощущая себя богом...

Гор открыл глаза в полной уверенности, что делать дальше. Встал и подошёл к волхву. Достал из своих волос колдовской гребень и начал расчесывать волосы отшельника. Те лились волнами, изредка расцветчиваясь маленькими искорками. Затем осталось только воткнуть странно потрескива-

ющий гребень обратно себе в волосы.

Сам смысл действия гвардейцу остался неясен. Но он всегда руководствовался универсальным принципом – надо так надо. Тем более, приказ снизошёл откуда-то свыше.

– Его Величество? – Гор растерялся.

Перед ним стоял сам король, собственной персоной. Как-то нехорошо получалось...

– Кто таков? – надменно поинтересовалась титулованная особа.

– Королевский гвардеец Гор! – само собою отчеканилось отблеском золотой монеты.

– Ага. И как ты тут оказался? Королевский гвардеец... Гор...

– Осуществлял личный сыск преступного Художника...

Жуткие картины перекраивали саму жизнь когда-то счастливого Города, походя перемалывая в труху и человеческие судьбы, и старые здания. А когда-то белоснежные стены замка словно служили холстом для безумного Художника – постепенно кровь многочисленных жертв проступила на них зловещим буро-красным колером. В борьбе с неизвестным живописцем ничего не помогало – ни строжайший запрет, под страхом смерти, смотреть на сюжеты картин; ни попытка ограничить пересказы их содержания угрозой вечной каторги. Народ глуп по самой своей природе, и что ему особо

вредно и строго-настрога запрещено, становится навязчивой идеей воплощения...

Нереальная красота ночного Города, залитого светом полной Луны. Растянувшиеся в тишине прямые улицы, застывшие в серебряной паутине дома, в которых порою мелькал отблеск зажжённой свечи.

Дневная грязь, разруха и запустение милосердно скрывались волшебством ночи. А когда-то всё было ровно наоборот – ничто не могло сравниться по красоте с убранством дневного Города.

Был в этом некий высший мистический смысл...

Гребень впился в голову Гора с такой силой, что тот невольно остановился. Наверное, перед ним располагалась конечная цель его поисков – огромный мрачный дом за тонкой витиеватой оградой. Насколько знал Гор, особняк принадлежал графу Уно, когда-то давным-давно обвинённому в колдовстве. После казни хозяина здесь никто не жил, и лишь охрана с собаками следила за тем, чтобы дом, отошедший королевской казне, не оказался подчистую разграблен.

Гор осторожно подошел к чугунной решётке ограды. За тонкими прутьями хорошо просматривалась лужайка, где в свете Луны чёрными призраками лежали огромные псины. Встретаться с ними нос к носу совсем не хотелось...

Гвардеец было двинулся вдоль ограды, как вновь оживший гребень заставил остановиться. Проклятая колдовская

штука гнала его прямо в пасти собак. Хотелось верить, что гребню виднее что и как...

Более не в силах сопротивляться, быстро перемахнул через декоративную ограду. И когда осторожно пошагал к дому, псы даже мордами не повели, спокойно пропуская мимо себя. Словно и не было здесь никого.

Огромный дом скрывал в себе многочисленные комнаты, длинные коридоры и просто уйму закрытых дверей. Пришлось изрядно поплутать в этом лабиринте, и даже проводник на голове почему-то таинственно притих. Обстановочка в жильё графа была соответствующая – роскошь и богатство, достойные самого короля...

Его Величество выжидающе смотрел на своего гвардейца. А Гор не знал, что сказать, что сделать. Мольберт, краски – всё буквально кричало, что правитель и есть тот самый Художник. Но... Как теперь быть? Это же король!

– Но зачем? Почему всё катится в...

– На всё есть высшая воля....

– Не понял, Ваше Величество...

– А чего понимать-то? Любое государство очень сложно устроено. Правитель издаёт законы. В русле которых действуют остальные слои общества. Но чем ниже ступенька на иерархической лестнице, тем более возможностей для люфта и разболтанности. И так сложилось изначально, что прямой контроль над серой массой в принципе невозможен.

Здесь действуют иные принципы, формирующиеся в горниле сложных взаимодействий живой, изменчивой социальной среды и спущенных сверху законов. И что за монстр в итоге порождается... Очень трудно предугадать.

Гор молча внимал, пока абсолютно ничего не понимая.

– Сразу после восхождения на престол я вплотную занялся обустройством города. Было потрачено немало сил, и ушло немало лет, прежде чем всё заработало, как хорошо подогнанные шестерёнки в часах. Но после нескольких лет благополучия меня начала мучить скука... Более не требовалось моё личное участие – всё организовывалось как бы само собою. Появилась пугающая перспектива застоя. Застоя во всём. И я начал действовать...

– Но картины... Это же они... – не по протоколу перебил Гор.

– Они задумывались всего лишь, как смелый эксперимент. Попытка менять саму устоявшуюся реальность.

– Но зачем казнили всех художников?

– Устранил ненужный элемент влияния на чистоту эксперимента.

– Как-то... Того... Бесчеловечно? – запинаясь вставил гвардеец.

– Бывает... – Небрежно пожал плечами венценосец. – Моя власть безгранична, а последние годы правления наглядно показали, что мне подвластна сама природа реальности. Я практически сравнялся с богами. Единственно...

Сознание масс... Оно слишком хаотично и подвержено едва уловимым влияниям... Не ведает авторитетов и не ценит усилий Богом ниспосланных правителей...

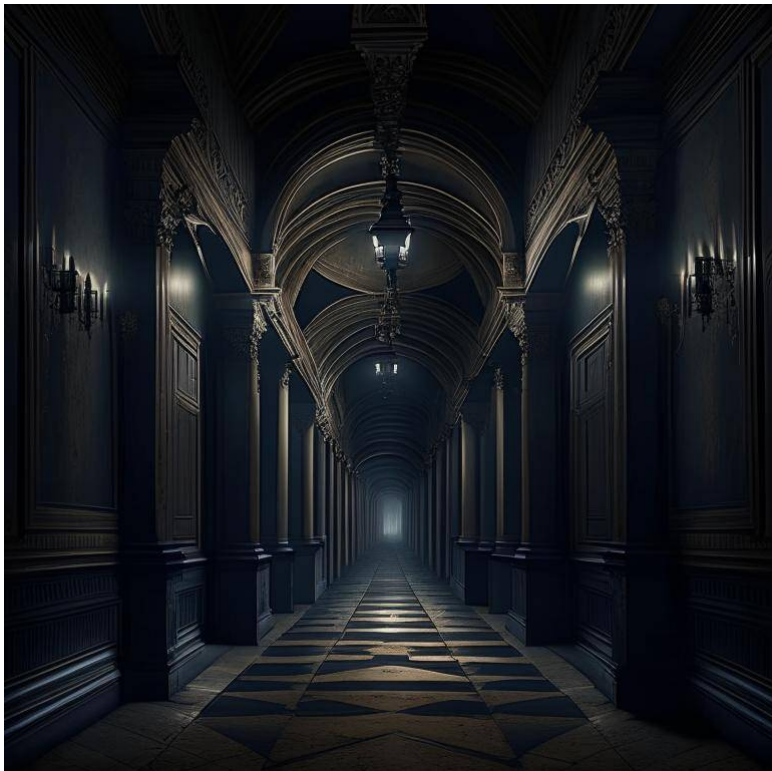
Пока король рассуждал о своём величии, Гор немного сместился в сторону и смог рассмотреть последнюю картину короля...

– Гвардеец, ты куда? – удивлённо прервал высокопарную речь Его Величество.

Гор даже не оглянулся, лишь громко хлопнул дверью. Картина, что удалось ему хорошо рассмотреть, ужасала. Но отнюдь не своим содержанием. Более неумелой мазни, гвардеец в жизни не видел. Даже простецкий набросок, вышедший из под кисти самого последнего художника, что был казнён по указу Его Величества, казался настоящим шедевром.

Настоящий Художник творил явно не в королевских покоях...

Коридоры дворца внешне были те же самые, но... Гор никак не мог найти выход. Проклятые пролёты и галереи то поворачивали ни туда, то странно петляли, то непривычно искривлялись. А за очередным поворотом задержанный Художник просто банально исчез. Вот он шёл с картиной подмышкой впереди, завернул за поворот, но когда вслед повернул Гор, там уже никого не было. И даже укромные места либо открытые двери, где можно спрятаться, отсутствовали. Гвардеец ошарашено замер...

Гор задумчиво стоял в тёмном коридоре дома графа Уно. Получался какой-то заколдованный круг. Казалось бы, цель достигнута – и Художник найден, и картина присутствует,

но... А художник снова не тот. Да ещё проклятый гребень, заведший в этот дом, помалкивал, словно выжидая... Внезапно в конце коридора качнулись тени. Кто-то шёл по смежному коридору со свечой в руках. И пробудившийся колдовской наездник со всей дури впился в голову. Подчиняясь резкой боли, Гор невольно сделал шаг назад и оказался за тяжёлой портьерой. Для тайного наблюдения это оказалось прекрасным местом – через щель между складками весь коридор до самой двери в комнату короля прекрасно просматривался. И только вездесущая пыль не давала спокойно дышать, норовя вызвать внезапный чих. Гвардеец прикрыл рот рукой и как мог сдерживал дыхание.

Вскоре из-за угла появился неизвестный. Пламя свечи в его руке подрагивало, неверно освещая надменно брезгливое лицо. И сам он выделялся ростом и статью. Правда по странной прихоти мерцающего освещения, пока неизвестный медленно приближался к убежищу Гора, сравнительно молодое лицо стремительно старело, походка из уверенной, полной сил, превращалась в шаркающую, прямую же спину перекорёжило так, что, поравнявшись с Гором, неизвестный уже превратился в скрюченного больного старичка – у двери к королю стоял согбленный годами, никчёмный служка. Он осторожно костяшкой мизинца постучал по дереву косяка. Дождался окрика и, предварительно опасливо оглянувшись, трепеща скользнул в узкую щель.

Когда пребывание в царстве пыли стало нестерпимым, и

Гор собрался покинуть тайное убежище, дверь снова приоткрылась, и в образовавшуюся щель протиснулся давешний служка, держа в руках королевскую картину. Тихо притворил двери и медленно пошаркал прочь. Подчиняясь вновь ожившему гребню, гвардеец скрытно последовал вслед.

На паркете, прислонившись к стене, сидела иссохшая мумия человека. Судя по уже истлевшему богатому одеянию, кто-то из высшего сословия.

Гор непроизвольно повёл плечами. Хождение по коридорам затянулось на долгие часы, но Туно словно сквозь землю провалился. Ни малейших следов. Только периодически попадались вот эти – сидящие или лежащие мумии. Лабиринт коридоров ничем не напоминал Гору маршрут, по которому он совсем недавно крался за вельможей. Чем-то всё это

напоминало колдовство с гребнем от тётушки Эммы. При том здесь чувствовалось присутствие чьей-то злой воли. Да и гребень помалкивал, словно воды в рот набрал. Если позволительно так заявлять в отношении неодушевлённых предметов.

Пока шли по коридору трансформация странного слуги обращалась вспять – походка вновь стала уверенной, спина гордо распрямилась, и сам он снова помолодел. Когда завернули за угол, впереди Гора легко вышагивал важный вельможа. Попетляв среди многочисленных дверей, оказались в небольшой зале. Гвардеец, подчиняясь колдовству гребня, притормозил в тёмном проёме на входе. Полумрак, царивший повсюду в доме, пока удачно позволял вести оперативное наблюдения, никак не выдавая своё здесь присутствие.

Посреди залы на столе стояла пара канделябров в пять свечей, бутылка вина с бокалом и мольберт с картиной. Вельможа небрежно бросил на пол творение короля. Насвистывая, подошёл к столу, плеснул себе вина, сделал глоток. Замер перед картиной на мольберте...

Наступил момент проявить себя, и Гор вышел из тени. Некоторое время вельможа не замечал иного присутствия, и гвардеец слегка кашлянул. Незнакомец медленно оглянулся, и недоумение скользнуло по холёному лицу.

– Королевский гвардеец, Гор, – представился незванный гость.

– И что ты тут делаешь, королевский гвардеец, Гор?– надменно спросил неизвестный.

– Ищу Художника.

Тень легла на лицо вельможи. Он оглянулся на картину, перевел взгляд на Гора.

– Договоримся?

– Нет. Я думаю, надо показать это королю.

– Ты не понимаешь. Король лишь декоративная ширма, за которой...

– Ширма знает о своей лишь декоративной роли? – перебил Гор.

Вельможа запнулся. Взгляд, пометавшись, пал на бутылку, затем переключился на голову гвардейца. Гор сдвинул нож на заметное место, чтобы предотвратить ненужные глупости.

– Не будем спешить с решениями, – снова заговорил пойманный прямо на месте преступления, – Давай, я тебе быстро обрисую ситуацию, может это самый важный момент в твоей жизни...

Так получилось, что с рождения король не отличался особыми умом и сообразительностью. И когда после внезапной смерти отца совсем юным сел на престол, совершенно не представлял, что ему там делать. Город, правда, находился в прекрасной форме – народ не сказать, что жил очень счастливо, но, во всяком случае, и не мучился, с трудом выживая.

На одном из обсуждений текущих проблем с торговлей

важные министры с трудом вымучивали свои предложения. Незнакомец, наречённый с рождения – Туно, тогда занимал должность секретаря при одном из Министерств и неожиданно для присутствующих выдал пару дельных советов. А на совещании по налогам и сборам предложил льготами поощрять только ремесленников, привлекая недорогими их товарами торговцев из соседних королевств. Отметивший дельные способности чужого секретаря, король перевёл Туно в свою свиту, где постепенно начал все более ценить умного советника, чьи подсказки благодатно сказывались на жизни Города. Торговля развивалась, ремесленники обеспечивали постоянно повышающийся спрос, доходы в казну росли. По предложению нового советника стены Города окрасили в белый цвет, и странным образом жители стали ощущать себя более счастливыми и жизнерадостными. Хотя, возможно, это сказывалась ставшая в последние годы спокойной и сытой жизнь. Народ возносил молитвы за здоровье мудрого короля, а тот проникался собственным величием и мудростью.

Мало-помалу умный советник обретал всё большую власть при дворе. Но его карьера многим пришлась не по нраву. Ходили слухи, что он незаконнорожденный сын графа Уно, что продал душу дьяволу... Да чего только не придумают злопыхатели и просто завистники. Но постепенно завистники и злопыхатели странным образом все исчезли. Видимо, слухи о связи с дьяволом, не совсем являлись слуша-

ми...

А Уно всё чаще и чаще, прикрываясь именем короля и не спросив королевского соизволения, самолично решал государственные дела. Правда, это шло только на пользу. Но... Прокладка между истинным правителем и тронном раздражала всё сильнее. И тогда советник решил её устранить...

А чтобы народ не выступил в защиту ширмы, которую по незнанию считал истинным правителем, была разыграна партия с картинами и погружением города в пучину бед...

Плутая по извилистым коридорам, Гор несколько раз выглядывал в окошко, чтобы убедиться в существовании внешнего мира. И там всё шло как обычно. Но все попытки выдвинуть стекло и вылезти банально наружу окончилась ничем – стекла никак не желали разбиваться. По ощущениям это были даже не стекла, а словно прозрачные листы металла. Приходилось идти дальше, периодически толкаясь в надёжно запертые двери.

– И я предлагаю тебе должность начальника охраны при моём дворе...

Гор брезгливо кивнул на картину:

– Забирай...

А для наглядности намерений снова поправил нож.

– Я погашу свечи? Как бы не случилось пожара... – спросил смирившийся с поражением советник короля.

– Валяй, – согласился Гор.

Туно медленно обошёл комнату и погасил свечи. Перед последним канделябром он, искоса глянув на гвардейца, быстро перевернул верх тормашками небольшую картину на стене, чем вызвал лишь сардоническую усмешку у своего охранника. С последней задутой свечой комната заполнилась чернильной темнотой и, как показалось Гору, потянуло холодом, словно кто-то распахнул входную дверь.

Задержанный на месте преступления вышел из комнаты первым, за ним, напоследок окинув взглядом застывшую в темноте обстановку, двинулся Гор. А дальше началась чертовщина с коридорами...

– А выход отсюда есть? – спросил Гор.

– Наверное... – безразлично ответил старик. – Только я им никогда не пользовался.

– А почему? Вам разве не интересно, что там снаружи?

– Да то же самое, что и на моих картинах. – Собеседник кивнул на ряды и стопки.

И гвардеец не нашёлся что возразить. Действительно...

– Но зачем вы нарисовали, например, вот это? – Гор ткнул пальцем в картину с изображенной казнью пойманного им мужичка.

– А что не так? Композиция подкачала?

– Не знаю на счет композиции, но как вы узнали, если не выходили никогда наружу?

– Что-то сам придумывал, что-то подсказывал молодой человек.

– Да... Молодой человек. А вы можете его нарисовать?

– Конечно.

Старик бодро кинулся к мольберту, и углём начал быстро покрывать белую поверхность холста чёрными штрихами. Гвардеец молча наблюдал за творческим процессом...

Через некоторое время из хаоса штрихов и линий, проступило лицо Туно. Единственно только, черно-белый рисунок делал знакомое лицо реалистично неживым.

– Он! – воскликнул Гор, – А можете его вписать в закрытую комнату?

– Запросто. – Кивнул старик и быстро покрыл свободное пространство пустотой небольшой комнатки без окон и дверей.

Гвардеец про себя усмехнулся – сюрприз!

Туно сидел на полу в отчаянии обхватив голову. Сколько раз ему приходилось заманивать в такую ловушку противников и просто недоброжелателей, о коих потом уже никто никогда не слышал. Но теперь в эту же яму угодил он сам. А проклятое время словно остановилось.

– Ты кто таков? – Незнакомец с удивлением разглядывал внезапно нарисовавшегося перед ним гвардейца. Гор отвечал тем же.

В очередной раз слепо ткнувшись в двери, пленник путанных коридоров неожиданно оказался в небольшой комнате, где в одиночестве сидел этот невзрачный старик. Растрёпанные волосы, поношенный халат на голое тело. А в глазах лёгкая поволока безумия. Своим появлением гвардеец, судя по огромной чашке в руке незнакомца, отвлѣк того от распития чего-то горячего.

– Королевский гвардеец Гор.

– И что ты тут ищешь, королевский гвардеец Гор?

– Художника... Он где-то был здесь...

– Художника? Хм-м...

И тут до Гора дошло, что старик сидит в окружении просто бесчисленного множества картин, а у окна стоит мольберт с заготовкой новой картины. И тут одно из двух – или гвардеец нашѣл мастерскую Туно, или старик и есть истинный Художник. И последнее, судя по облачению незнакомца в очень подозрительно заляпанный красками халат, ближе всего к истине.

– А вы кто? – в свою очередь задал вопрос Гор.

– Не знаю...

– Как так? – гвардеец не смог скрыть искреннего удивления.

– Сижу тут, рисую. Иногда заходит молодой человек. Поговорить...

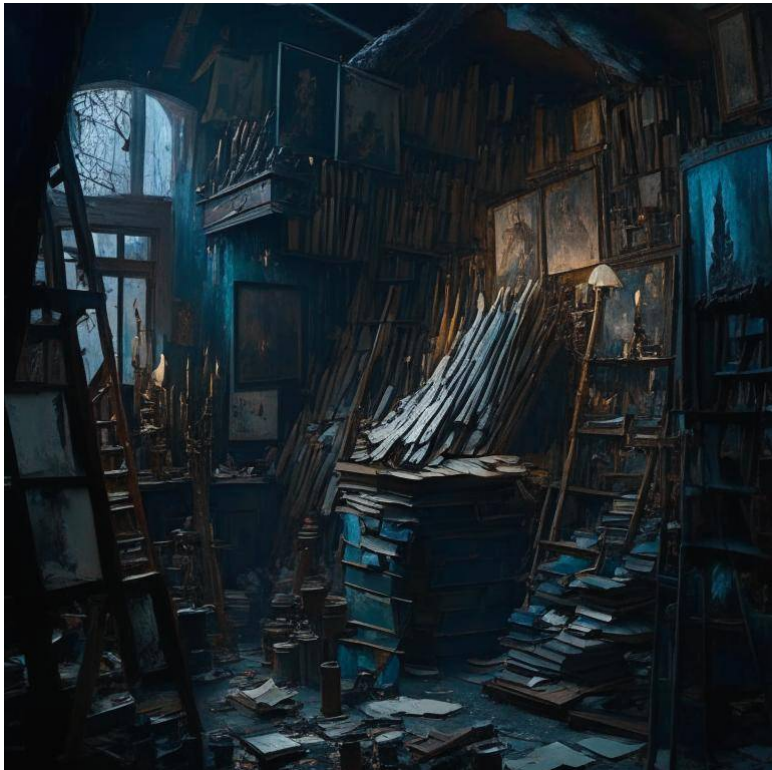
– Какой молодой человек? – насторожился Гор.

– Представительный. Приносит покушать, порою за услу-

ги забирает что-то из нарисованного.

– Ну-ка, ну-ка...

Гор быстро прошёлся по помещению. И картины здесь были повсюду – стояли в рамах плотными рядами на полу, лежали холстами в высоких стопках и свёрнутыми в рулоны на стеллажах. А стеллажи те тянулись вдоль стен от пола до самого потолка. Ему никогда не приходилось видеть столько картин за раз...

Среди великого множества изображений гвардеец с удивлением узнавал и белые стены Города, и его жителей, и себя, крадущегося за мужиком, казнённым впоследствии вместо вот этого самого старика, и... И даже саму казнь!

Рисовал Художник просто отлично. Словно и не на кар-

тины смотрел Гор, а через маленькие окошки разглядывал внешний мир. Этот странно многообразный мир, где соседствовали белоснежные стены с этими же самыми стенами, но уже в буро-кровавых подтёках; ослепительное Солнце на голубом безоблачном небосклоне с мрачными тяжело нависающими над крышами домов грозowymi тучами. Гор ошарашенно перевёл взгляд на творца... Или, всё-таки – Творца?

Когда в появившуюся дверь вошёл гвардеец, Туно даже не пошевелился.

– Вставай, идём. – Гор коснулся плеча пленника.

Тот медленно поднял голову и взглянул на гвардейца... Но во взгляде теперь не было и капли осознанности. Лишь пустой холод присутствия. Словно кто-то вынул душу из этого тела, бросив умирать здесь лишь брентную плоть...

– Сколько себя помню, я всегда рисовал...

– А когда-нибудь покидали эту комнату? – поинтересовался у старичка Гор.

Тот замер, задумавшись. И лишь топорщившиеся во все стороны света волосы в такт ударам старого сердца легко подрагивали.

– Не помню. Ни кто я, ни как здесь оказался...

– Но ведь, кто-то же должен был вас научить рисовать?

– Должен был... Но... – Старик безвольно пожал плечами.

– Но сюжеты картин. Они же реальные. Вы откуда их бе-

рёте?

Безумие в глазах собеседника завораживающе пульсировало, то разгораясь ярким пламенем, то затухая сумрачной пеленой. И Гор чувствовал, как начинает терять связь с реальностью. Точнее, она буквально раскололась на две части – ту, что за стенами дома, где время мерно текло из прошлого в будущее, где когда-то белые стены Города вдруг окрасились кровавыми подтёками, а неизменное Солнце на небосводе навсегда закрыли дождевые тучи; и ту, что одновременно существовала на картинах Художника, где прошлое, будущее и настоящее стояли вперемешку друг возле друга на полу, лежали небрежными стопками и свёрнутыми рулонами на стеллажах.

И сам чёрт теперь не разберёт, что на данный момент являлось той самой, единственно правильной, Истиной...

